

фемного, фонологического и ономастолого-семасиологического анализа. Результаты данного исследования значимы не только для создания типологии признаков фитонимов, но и для сербско-хорватской и славянской этимологической науки в целом.

Шпис-Булум М. Л. Фитонимија југозападне Бачке // Српски дијалектолошки зборник. 1995. XLI. С. 397–490.

Dokić M. R. O homonimiji u fitonimiji: stgr. 'ανδράχνη i sh. *jandrašika* // Јужнословенски филолог. 2000. LVI/1–2. С. 411–420.

Séguy J. Les noms populaires des plantes dans les Pyrénées centrales. Barcelone, 1953.

Sejdiu Sh. Formalna i semantička podudaranja u denominacionim postupcima u fitonimiji romanskih jezika s albanskom i hrvatskosrpskom fitonimijom: Doktorska teza u rukopisu. Sveučilište u Zagrebu. Filozofski fakultet. Zagreb, 1984.

Strömberg R. Griechische Pflanzennamen. Göteborg, 1940.

В. Н. Калуцков
Москва

О ландшафтном подходе в топонимических исследованиях

П о с т а н о в к а п р о б л е м ы. Концептуальной основой географических исследований топонимии в 1960–1970 гг. являлось понимание топонима как «слова на географической карте». Такая концепция топонима была рассчитана на «мелкомасштабное» использование, при котором топоним является точкой, не имеющей территориального измерения. Многочисленные исследования локальных культур, выполненные в 1970–1990 гг. диалектологами, этнографами, фольклористами, топонимистами и географами, показали, что на локальном уровне исследования топоним перестает быть «точкой», приобретая пространственные и территориальные характеристики. При этом с позиции географического видения таких исследований возникает ряд методологических вопросов.

Во-первых, с какими географическими объектами соотносится топоним? Если только с местами («топономастика – наука о собственных именах мест»), то как быть с «неместами» – угодьями, урочищами, территориями, природно-территориальными комплексами, регионами? Во-вторых, как соотносятся «географический объект» и топоним, образуют ли они новое качество или должны рассматриваться по разным «ведомствам»?

В рамках л а н д ш а ф т н о г о (культурно-ландшафтного) подхода топонимия (шире – ономастика) рассматривается как подсистема культурного ландшафта. Иные ландшафтные подсистемы – природная среда, селитьба, хозяйство, сообщество, духовная культура. Данная объектная модель культурного ландшафта обладает значительным эвристическим потенциалом и может использоваться как в моно-, так и междисциплинарных исследованиях [Калуцков, 2004; 2008].

Один из аспектов культурно-ландшафтного подхода связан с субъективизацией культурного ландшафта. Любой культурный ландшафт уже имеет своего

коллективного исследователя: человеческое сообщество организует, поддерживает и осмысляет свой культурный ландшафт в различных арте- и ментефактах – хозяйственных угодьях и урочищах, предметах материальной культуры, диалектах, топонимии, в устной истории места и т. д. Такой подход позволяет различать внешнюю и внутреннюю исследовательские позиции относительно культурного ландшафта (и его топонимии), которые не совпадают. «Внешний» ландшафт отражает восприятие культурного ландшафта внешним наблюдателем, «внутренний» – местным сообществом, он описывается исследователем-знатоком его языка и особенностей культуры. Заметим, что «внутренний» культурный ландшафт имеет свою собственную организацию, функционирование, собственные системы номинации.

Топос в ландшафтно-топонимических исследованиях. Культурно-ландшафтные исследования проводятся в основном на локальном уровне, что соответствует крупномасштабной картографической основе. В такой исследовательской ситуации топоним приобретает вполне определенные территориальные очертания, соотносится с конкретными географическими объектами – и с небольшими местами, и с площадными объектами – урочищами. В качестве единицы крупномасштабных ландшафтно-топонимических исследований мы рассматриваем *топос*. Представление о топосе реализует ландшафтный подход к топонимии, в котором важнейшим элементом анализа выступает территория, пространство.

Топос – поименованная территория (место, угодье, урочище) определенного культурного ландшафта. Топос позволяет учитывать аутентичность местной культурной традиции, «внутренний» культурный ландшафт. Можно утверждать, что топос – это территориально локализованный топоним.

Простейшая формула топоса: топос = территория + топоним. В вертикальной структуре топоса территория представляет собой материальную основу, или основание топоса, а топоним – его идеальную основу, или «вершину» топоса. Вместе с тем реальная ситуация более сложная: и топоним, и место как бы проникают друг в друга, образуя новое качество. Отметим один важный «парадоксальный» момент: в принципе любое безымянное место, угодье, урочище уже имеет свое протонимия (прототопоним), которое содержится в типе места, угодья. Этот прототопоним может стать топонимом: так, городище становится *Городищем*, а пожня – *Пожней* или *Поженкой*.

При смене одного топоса другим, например в связи со сменой хозяйственного использования, старый тип угодья может сохраниться в топониме. Так, *новина Ивана Петровича* становится полем *Новина Ивана Петровича*, а оставленная *деревня Петровка* – полем *Деревня*. Это важный момент динамики топоса.

Ландшафтно-топонимическое картографирование. Топос представляет собой элементарную пространственно-территориальную единицу культурного ландшафта, обладающую территориальными, визуальными, семантическими и другими свойствами, которые могут быть выявлены и осмыслены в контексте определенного культурного ландшафта. Поэтому топос принимается в качестве основной единицы ландшафтно-топонимического картографирования.

По форме выделяются площадные, линейные и точечные топосы. По происхождению все топосы делятся на две группы – культурные, возникшие под влиянием хозяйственной деятельности, и природные, связанные с освоением и осмыслением природных особенностей местности. Выделяются топосы с жесткими и размытыми территориальными границами. Определенность границ топоса зависит от «жесткости» границ соответствующего места или урочища и от его положения в пределах культурного ландшафта. Территориальные границы сельскохозяйственных топосов обычно более определенны, чем, например, лесных. То же можно сказать и о центральных топосах конкретного культурного ландшафта по сравнению с периферийными.

Легенда ландшафтно-топонимических карт строится на региональной типологии топосов. Например, для Русского Севера характерны следующие топосы, в совокупности отражающие особенности природы и хозяйственного освоения региона: комплексные, сакральные, селитебные, сельскохозяйственные, лесные, речные, озерные, болотные, дорожные и граничные.

Калуцков В. Н. Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 116–132.

Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

*Л. Л. Карпова
Ижевск*

Онимы в географических названиях бассейна средней Чепцы

В последнее десятилетие объектом исследований автора являлись говоры удмуртов, населяющих бассейн среднего течения р. Чепца. Наряду с диалектологическим материалом, собранным во время экспедиций, нами зафиксирован также определенный корпус топонимии, который и послужил источниковой базой данной работы. Топонимия среднего течения Чепцы до настоящего времени не являлась объектом специального анализа.

В среднечепецком регионе топонимы, образованные от собственных имен (антропонимов, топонимов и микротопонимов), составляют одну из самых многочисленных групп.

1. От антропонимических топонимов.

1. Названия, возникшие от личных имен. Личные имена чаще всего встречаются в наименованиях населенных пунктов, полей, лугов, лесов, оврагов. По происхождению одни из них являются удмуртскими, другие восходят к заимствованиям из тюркских и русского языков: поле *Бад'он/выр* < удмуртское личное имя *Бад'он* + *выр* 'холм, возвышенность, бугорок', букв. «возвышенность Бадёна», т. е. «поле Бадёна, расположенное на возвышенном месте»; поле *С'эн'а/шур* < русское личное имя *Сеня* + *шур* 'река, речка; ручей; родник', т. е. «поле, принадлежавшее Сене»; лес *Мустай/ицица* < тюркское личное имя *Мустай* + *ицица* 'лес', т. е. «лес, принадлежавший Мустаю» и др.